

Н.К. - Николай Андреевич, пожалуйста, расскажите о работе в шарашке.

Н.А. - Находясь в шарашке (попали мы туда примерно что-нибудь в 46-м, точно не помню когда), мы немного обжились, обстроились, нам понадобились часы. Мы одной компанией жили в одной комнате первое время, а у меня мастерские были, я же измерительной лабораторией командовал, я был техническим руководителем, а был старший лейтенант ихний - он был начальник.

Н.К. - И Вы вместе с Солженицыным в одной лаборатории работали?

Н.А. - Там, где был Солженицын, это был институт, лаборатория при КГБ, внутренняя, специальная, для обслуживания так называемой правительственный связи, т.е. для того, чтобы могли великие люди говорить по телефону и их не могли подслушать.

Н.К. - Он это в "Первом круге" описал.

Н.А. - Там работал, главным закоперщиком был Копелев, не Солженицын. Солженицын был при нем. Копелев - очень большой специалист по языку, фонетике, он же сам очень образованный человек, кандидат наук каких-то, изучал немецкую литературу доподлинно, при мне он уже учил китайский язык. Теперь у меня есть письма от него, он в Москве был, не знаю уехал или нет, он должен был ко мне заехать, он в Кельне живет. Находясь на шарашке, я занимался измерительной аппаратурой и попутно, поскольку я командовал оборудованием всем, мне поручили принимать оборудование импортное все. Я организовал при лаборатории своей небольшую мастерскую, хорошие станки поставил, оборудование было, и поэтому я мог в свободное время делать что-то собственными руками, а я любитель-мастер. Мы получали очень много разного добра из какой-то лаборатории раскуроченной немецкой, в том числе я нашел лентопротяжный механизм с устройством с выдержкой времени на взрыв какой-то (это, скажем, взрывчатое устройство делалось, которое через 10 дней могло сработать). Я с этим механизмом был знаком, это изготовление фирмы Сименс-Айс.., поэтому я его разобрал, подобрал нужные детали, сделал часы. Был инженер-строитель, забыл как его фамилия, он нарисовал большой циферблат, фотограф снял, сделал нужного размера, и вот получились у меня часы, которые стояли у меня на тумбочке, и все, кто жил в этой комнате, смотрел на часы, они крупные были. Кроме опытных работ я там многоному научился.

Н.К. - Вы были рассказали, что Вы там делали? Какие заказы там были?

Н.А. - Измерительная лаборатория была вспомогательной, основное задание было выработать систему секретной шифровки. Командовал этим делом Копелев, при нем был Солженицын, он еще молодой человек был, но любил изучать фонетику и прочее, а Копелев этим в совершенстве уже владел. Они вместе разрабатывали, разбирали речь, причем, Копелев никакой не техник, он совершенно не понимает в технике, он часто говорил: "Вот когда мы давали задание, технари делали остальное. Все делали мы. А он - идеи, потому что он хорошо знал фонетику, построение речи. Была сделана камера звуконепроницаемая, где производились проверки на понятность речи: допустим, я делаю какие-то передачи по телефону, в абсолютной тишине вы сидите закрытый, а я вам читаю какую-нибудь белиберду,

например: "Девять дюжих дурней доили деревянного дракона дружно домагаясь - дай, добрый дядя, дыню". Если вы в абсолютной тишине принимаете по шифровальному телефону эту штуку, вы смысла не можете понять; если вы слышите, когда вам читают что-нибудь толковое, вы понимаете, а когда у вас отдельные слова, вы можете пропустить, не понять. Поэтому смотрят сколько процентов из этой белиберды вы правильно записали, а сколько не поняли. Вот этим они занимались, исследовали речь, в конечном итоге они сделали так называемые звуковиды. Я, допустим, буду вам какие-то слова говорить, эти самые слова вы скажете; они будут при записи на расшифровании совершенно непохожи, так же как отпечатки пальцев руки моей никогда не совпадут ни с чьей. Это самый верный документ. Вот поэтому по этим самым звуковидам делали, например, вы говорили по телефону: "Иван Петрович, берегитесь, завтра-послезавтра Вас арестуют", вот теперь разберите - кто это сказал. А у вас на подозрении, скажем, 10 человек, которые знали об этом. Можно, конечно, посадить и признаются, но тут хотели доподлинно, проверка своих сотрудников, тот, кто это сказал, значит, он знал из немногих об этом, а сказал он это профессору какому-то с городского телефона уличного, а те шляпы, которые следят за этим - прошлили, не заметили, кто это был, должны были за ним проследить, но они в это время курили-болтали, надоедает же всем подслушивать. Они пытались обнаружить, чей это голос. Он же выдал страшную тайну, это же очень строго преследовалось. И вот они поручили институту построить устройство, которое позволяло бы отличить голоса одного примерно типа, установить идентичность: чей это голос. Вот этим занимались и построили машинку, которая называлась "звуковиды". Первый образец я им сделал, я не знал для чего, ... осцилограф был, они очень слабо знали аппаратуру, которая у них была, даже кагэбисты. Я говорю: "Завтра будет сделано". Как завтра!? А мне только собрать надо было, я собрал осцилограф.

Н.К. - А какой Вы инженер?

Н.А. - Я - сильноточник, линии электропередач, трансформаторы...

Н.К. - Электротехник?

Н.А. - Да, мощный. А они слаботочники. И поэтому когда я там находился, я многому научился, это понадобилось мне здесь, когда я 20 лет работал после пенсии и целую большую организовал мастерскую. Эти звуковиды... первый образец только попробовали, что можно записать на осцилограмму, причем на малой скорости, небыстро лента идет, записывалась она яркой световой точкой, получается целая пачка кривых???... Идею схватили, поручили конструкторам драконить и делать, причем сделали устройство типа такого, как кардиограммы снимать; им не нужно было большой скорости, и получилась запись вроде муаровой ленты, целый пакет кривых частот, а вот по ним можно было сопоставить несколько одинаковых записей и сравнить, какая была ближе к контрольной. С этим делом долго возились, и вот, скажем, копии требовали снять, фильтры ставить, в общем технические изменения в схеме. Когда у вас проходит речь, она может фильтроваться чем-то, представляете, если у вас частоты разные звука, можно какие-то ослабить или вообще исключить. Они давали задания, пожалуйста, мы делали фильтры, а я делал аппаратуру, которой можно было измерить эти величины. К примеру, нужно было очень много фильтров, это устройство несложное - коробочка, катушка самоиндукции и конденсаторы, вот надо разные подбирать. И чтобы определить данные, брали звуковой генератор, сидели несколько человек порядка 10 и более и, меняя частоту, проверяли характеристику этого фильтра по точкам. Подчеркиваю, это значит - чем больше точек, тем она точнее. Но это требует много времени. И вот сидела куча народа и занимали в работе целый ряд приборов, звуковые генераторы (каждому нужно было свой иметь), кучу прибо-

ров занимали, нам не хватало обеспечивать их. А я знал, что на складе есть сименсовское удобное переносное устройство для снятия частотных характеристик линий передач. Скажем, я говорю из Москвы в Ленинград по какой-то линии, и у меня может быть характеристика этой линии неудачная и меняться, допустим,..., для этого есть устройство *** это по немецки, это значит - записыватели уровня. С одной станции, откуда ведут проверку, дают частоту переменной от 20 герц до 10 килогерц (это звуковые частоты), а с той стороны прибор пишет, что там получается. Отсюда дают определенное напряжение 0,775 вольта на линию, а там в зависимости от величины сопротивления линии, прибор будет записывать, сколько там получается, там будет характеристика какая-то другая. И вот я взял эту аппаратуру, сделали пульт, я заказывал в мастерские, там большой порядок был, я давал заказ, и без звука мне делали все, что я заказывал для приборов. Вот мне сделали эту установку, я ее отрегулировал, а потом пригласил деятеля, там был такой инженер-капитан, нет, майор.

Н.К. - А вот заказ Вы давали, это зэки выполняли?

Н.А. - Я как производитель работ был лицо ответственное, отвечал старший техник-лейтенант, но командовал же я, я же специалист был, а он...

Н.К. - А выполняли заказ зэки? или вольные?

Н.А. - Я выполнял эскиз, давал его Михаил Максимовичу, он его подписывал и отдавал в мастерскую, мне приносили готовое изделие.

Н.К. - А в мастерской работали заключенные?

Н.А. - Да, там немцы работали, эстонцы тоже хорошие мастера. Там командовали вольнонаемные, а основная масса были как я.

Н.К. - А Вы заведующий лабораторией были?

Н.А. - Нет, я был технический руководитель, а начальник был старший техник-лейтенант, который не очень разбирался в этих делаах, который честно признавался мне, у меня же спирт был для всяких надобностей, а он непрочно был в субботу заложить, жена строгая у него была, поэтому по субботам он ко мне приходил и посматривал. Я ему говорил: "Подождите, я пойду пообедаю и принесу закуску". Нас хорошо кормили, я приносил какой-нибудь бутерброд (селедка маринованная, например, там хорошо кормили), а спирт у меня был в сейфе, в лаборатории. Я наливал спирт в стакан, он присутствовал, он говорил: "Еще немножко", доливал водой.

Н.К. - Как Вы попали в шарашку?

Н.А. - Очень просто. О, это отдельная история, начинается еще от сотворения мира, когда я еще только вылупился как инженер, уже с тех пор меня засекли. Понимаете, я оказался грамотным инженером и вот по этому нам нужны были/?/, меня немцы, (так только и спасся, я ж попал в плен).

Н.К. - И когда вы попали туда?

Н.А. - В войну...

Н.К. - Так же как Солженицын?

Н.А. - Только Солженицын крутил хвосты лошадям, он необученный был, а я... Ну, я вам расскажу, это целая история, это отдельный разговор, как меня все время искали. Меня заранее засек-

ли, когда я только в плен попал, сразу не знали, а потом немцы пронюхали, и дальше за мной пошло: уже меня держали на заметке и немцы, и потом наши. Когда я из плена попал, уже меня застукали наши, прислали знакомого мне человека, который у меня работал заведующим гаражом в Донбассе, который меня лично опознал. Надо было, чтоб засвидетельствовало ответственное лицо, что это я; я же мог быть кем угодно, я же в плена был, документов никаких. Но это отдельное дело. Они мне делали позаказно, по моим чертежам, я изготавлял, собрал, и вот, когда у меня получилось (я майор был), инженер ихний, заведующий лабораторией - другой, где снимали характеристики большого количества фильтров, очень много надо было. И вот я попросил: "Дайте мне парочку, или штук пять даже характеристик фильтров ваших, чтоб я посмотрел." Он мне дал, конечно, я ведь им помогал. Я взял эти фильтры, на номерах написано?/, и снял через этот прибор беспрерывную характеристику; вы понимаете разницу: несколько точек или сплошная кривая, т.е. точно снято. Потом я говорю (я забыл, как их звали): "Вот, смотрите, вот мои данные." Они говорят: "Так у вас беспрерывные, где же вы сделали?" А я говорю: "Посмотрите, в каком часу я начал делать, и когда я кончил. Вот, десять характеристик я снял за 25 минут. А сколько вы сняли?" Они говорят: "Вы что-то врете!" Я говорю: "Сколько вы сделали?" "Два с половиной дня." Вот этой всей компанией своей, потому что по точкам снимали, понимаете? Настроят 1000 герц и пишет, сколько там на выходе, - это ж медленно, записывать надо, и покурить надо. А тут в машину вставил - через 10 минут получай написанное сплошной... Вот это, скажем, они обрадовались, они сразу с этого генератора забрали в другое дело, а эта машина - посадили к ней какую-то сотрудницу, и она делала за день то дело, что они за две недели не сделали бы. Понимаете, она автоматические, машина писала. И точно, потому что беспрерывная кривая - это очень важно. Вот, скажем, такое дело по задаче... Потом задача была не для нашей задана, потому что мы работали, еще такая фирма была, самолеты делали, - Туполовская шарага. Она в другом месте была, для них кое-что нужно было я много секреты эти были из..... узнавали и наши потому что... По некоторым и вторичным признакам: надписи там есть же... Словом, им понадобилось сделать измерительный вольтметр для дециметровых волн с определенными характеристиками. Там был Антон, если вы читали, главный инженер этой лаборатории. Вы не помните, там Антон был?

Н.К. - "В круге первом"? Да.

Н.А. - Вот это он и был - живое лицо.

Н.К. - А вы как там выведены?

Н.А. - А я ж там был в лаборатории...

Н.К. - Под чьим именем?

Н.А. - Под своим. Я же заключенный был, номер такой-то, имя, отчество...

Н.К. - Нет, в романе, в роман вы попали же?

Н.А. - Я вам сейчас скажу, как я назывался... Меня называли, еще тут надо мной смеялись, когда я работал, называли меня не Семёновым, а как-то... Ну, я вспомню, память уже стала с перебоями.

Потребовалось, значит, вольтметр сделать. Ну, хорошо, но тут надо дециметровые волны и маленькой мощности милливатты. Я подумал-подумал и решил, как принципиально сделать. Заказал, там нужны были лампочки с прямой нитью с определенными параметрами, чтобы у них емкость была минимальная, и там всякие штучки. По этим заказам пошел доктор, был Циркачев такой, руководитель вакуумной

лаборатории, инженер из "Светланы" петербургской. Он очень толковый человек был, он там фигурирует под другой фамилией, я не помню, но "В круге первом" фигурирует он. Я говорю: "Вы способны сделать такое?" Он обиделся: "Подумаешь, - говорит, - мы вам сделали даже трубки двухлучевые, как американские, содрали целиком их, так это мы не сделаем!?" Я говорю: "Ну сделайте." Они мне сделали 10 штук, они повозились хорошо, получилось, но я потребовал, чтоб хорошие параметры были. Потом я взял (у меня был) хороший фотометр, немецкий; в общем, это я все совокупил и подавал на эту лампу разные мощности постоянного тока от аккумуляторов, экранированно, чтоб не попадала туда никакая посторонняя... И получил тепловую характеристику, какая мощность в зависимости от напряжения, которое прикладываю. Потом это самое мы повторили от высокой частоты, так для того, чтобы мне самому разобраться с этим, я заказал и мне сделали волновод специальный, в котором получалась волна нужной частоты. Это сложно было, большая морока сделать! Сделали, как следует, там не ограничивали. Я как раз сам уроки взял этих частот. Потом на этой частоте я проверил этот, сделал характеристику, и Антону звоню тогда, говорю: "Слушай, вы тут интересовались - вольтметр какой, что тут у меня получается." - "Ага, очень нужно!" Я говорю: "Ну-ну". - "Сейчас я к вам приду!" Пришел посмотреть. "Вот, - я говорю - Смотрите! Я точность вам гарантирую 10 процентов." Это очень высокая точность для этих частот. "Ой, - говорит, - Николай Андреевич, я немножко вас обманул, пока вы тут думали, мы получили американский журнал и там это самое есть, примерно по вашему, только у них точность меньше, потому что они в общем сделали, принципиально. А вы уже сделали с расчетом, поэтому поздравляю вас с изобретением, но изобретение уже Америкой открыто!" Но вот пригодилось, сделали мы две штуки, куда-то отдали, по-моему к Туполову или еще куда-то, где нужно было мерять, но это нам не нужно было, мы делали только звуковые. Потом я хорошую премию получил, сидя в тюрьме, мне дали максимально допускаемую законом премию.

Н.К. - Сколько дали?

Н.А. - Дали 950, не выше тысячи можно было дать, но было секретом, как дать. Специально начальника вызвали, показали, что получилось. Надо было построить прибор, которым можно характеристики снимать диодов, триодов высокочастотных. Вел со мной работу Тарановский такой, он делал лампы и вольтметры. Вот я ему дал задание, он мучился, бедняга, чуть ли не 20 ламп... Никак не получалось, чтоб получились требуемые данные, как нужно было. Я тоже подумал, а я сильноточник, не по высоким частотам. Пока он мудрил лампы и вольтметр делать, а я взял очень просто, зная элементарные вещи устройства прибора постоянного тока, я взял, написал данные, пошли в группу математиков, они мне вычислили, какой кривизны должны быть магнитные полюса в приборе, чтоб характеристика соответствовала натуральным логарифмам. Они мне высчитали, дали чертеж, но получилась довольно сложная, не цилиндр, а нечто кривое. Я потом им же сказал: "А ну-ка, давайте, апроксимируйте!?" - т.е. можно заменить какой-то наклонной плоскостью, примерно соответствующей, по этому принципу механик у меня работал. "Отшлифуй, - говорю, - под этим углом мне полюсные наконечники." Сделали все, собрали и прибор готов. Я проверил - все сходится, получается, я тогда к этому, его звали Сесан/, китаец, он был в Японии или в Китае, когда наши были во время войны. Он так и остался, его посадили за то, что он шпион был какой-то. Это спокойный, хороший инженер, окончил институт в Шанхае и, в общем, в моем рабстве был, т.е. со мной работал.

Н.К. - А по-русски говорил?

Н.А. - Так он русский самый настоящий, папа, мама русские у него, он сейчас в Москве где-то. Он женился тут. Знаете, кто у

него была жена тамошняя? Она была балерина в Екатеринбурге после войны уже. Он развелся с ней и женился при моем участии, при участии моего дяди, — несестру ему нашли. Мы же люди, среди всех этих дел масса присутствует чего-то частного, каждое качество личное иногда принимает формы.

Н.К. — Нас интересуют Ваши контакты с Солженицыным.

Н.А. — Я сделал для группы Солженицын-Копелев вот эти звуко-виды, первичное устройство для определения, что нужно. А потом, когда установили это, то они уже поручили конструкторам, те сделали уже аппаратуру другую, но по тому принципу. А я потом делал то, что мне задавали и свои выдумки. Скажем, под это дело я изучил дециметровые волны, специальный волновод сделали, я научился подробно этому делу. Я — сильноточник, я знаю 50 герц, большие токи, миллион киловатт машины, — вот этим мы занимались. Петербургская атомная станция, я этим занимался, первая, которую мы делали, после мы делали Кольскую. Это мы налаживали потом уже, после тюрьмы. Т.е. я занимался сильными токами, большими мощностями, а тут — миливольты, миливатты, высокие звуковые частоты, до 20 килогерц. Я научился монгому тому, что потом мне было полезно тут, когда я работал уже в Петербурге, когда я ушел на пенсию, то я этим занимался тут уже.

Н.К. — Когда Вы попали в заключение, а потом в шарагшку?

Н.А. — Надо начинать сначала, как я попал на заметку, почему меня именно выбрали.

Н.К. — А Вы сказали, что вы были очень толковым инженером.

Н.А. — Да, но толковых инженеров было много. Что вы думаете — что я гений? Нет, я занимался своим делом, а началось это дело... Видите, тут играет роль еще воспитание. Я учился, когда попал на практику в Днепрострой, там командовал тогда Веденеев, слышали, вероятно. Он мне был руководителем проекта, был такой известный академик Винтер, он был начальником строительства Днепростроя. Первого, в 23-м году начинали, а я молодой был тогда, это теперь я старый, я учился в Одесском Политехническом институте и попал на практику.

Н.К. — А вы из Одессы?

Н.А. — Нет, я не из Одессы, но я вообще с Украины. Я в Одессе учился, у меня, может быть, и выражения те, я же хохол сам по себе, я родился в Днепропетровской области. Мать у меня — украинка, а отец — русский. И вот получился я иностранец.

Важно было то, что я воспитывался такими людьми, как Веденеев, как Винтер, этот Винтер был начальником строительства, в те времена это же громадная должность была, первая стройка была у нас мощная. И этот Винтер, заинтересовавшись моей работой, но не только моей, а маленькой лабораторией, он приходил не реже, чем раз в месяц посмотреть, как мы работаем, поговорит немножко и уйдет. Но он этим своим интересом воспитывал во мне интерес, а я очень был заинтересован, я был не совсем даже нормальный, меня звали мои знакомые — инженеры "этот робот, этот трансформатор". Мы жили в квартире, где главный бухгалтер жил Днепростроя, я у них в комнате жил, "А, — говорит, — так это пришел Николай Андреич, этот трансформатор явился." Я целый день на работе сидел, я попал на такую работу, когда я обжирался этим интересом. Я влюблен был так, что ночью там сидел. Мы когда получали аппаратуру, мы пока не наладим, мы сутками не выходили! Несколько таких дураков было вместе со мной, любителей. Мы ничем другим не интересовались: ни комсомола не знали, никаких партий, просто занимались. Язык учили, чтобы прочитать инструкции, в общем, это была увлеченность.

Такие чудаки тоже водятся и теперь, только их к роли заметной не допускают, они только заместители или помощники. Но они работу ведут, потому что они понимают сущность вопроса.

И поэтому там я очень быстро из практиканта сделался старшим инженером, я сдал дипломную работу, когда в Одессу поехал, а приехал старшим инженером, уже был начальником лаборатории Днепростроя в те времена. И это мне надо было иметь в виду, потому что я писал что-то: импортные заказы были, все... И потом оно мне на мою голову было - то, что я подписывал заявки. Но это в дальнейшем выяснится. И вот я со страшным аппетитом все это делал, первые машины и трансформаторы мы налаживали под моим руководством, я старшим был, потому что я страшно интересовался этим. Мы первые две машины наладили, обнаружили некоторые дефекты, причем жаловаться ходил на меня, мистер такой был, американец.

Н.К. - Сколько вы пробыли в лагерях в общей сложности?

Н.А. - Очень немного, я больше в немецких лагерях был.

Н.К. - Немного - это сколько?

Н.А. - Это сколько я у нас тут был? Я нисколько в лагере не был, я только в Бутырской тюрьме пробыл месяца два или три.

Н.К. - А в шарапке?

Н.А. - А оттуда я попал на шарапку.

Н.К. - Но шарапка же - это тоже тюрьма?

Н.А. - Да, но только это особая тюрьма была, это ж не тюрьма, а шарапка. Это специальная тюрьма.

Н.К. - Но все равно же заключение.

Н.А. - Конечно, мы только сытые, мытые, одетые.

Н.К. - И сколько вы в шарапке пробыли?

Н.А. - Все десять лет.

Н.К. - Ничего себе немного!

Н.А. - Ну, включая мелкие все предварительные сидения.

Н.К. - И в каком году вы туда попали?

Н.А. - Начнем сначала. Я начал работать на Украине, родился в городе Александрии Херсонской губернии, там я учился, окончил 4 класса гимназии, мать у меня была учительницей женской гимназии, отец - учитель в большом селе, заведующий школой деревенской. Мать была с высшим образованием, отец семинарию кончал учительскую в старое время, до войны. Я же еще помню царское время, я же старый, 1906-го года, до революции еще существовал и помню. Короче говоря, кончил гимназию 4 класса, потом революция, сделали профшколу, кончил профшколу, работал в рентгеновском кабинете. Представьте, у меня хорошо получалось, и на электростанции учеником. Я был толковый, во всем разбирался, любитель был всего этого. У меня настольная книга была "Физика Краевича", - была такая в старое время. Я правдами и не правдами проникал в школьную лабораторию, чтоб посмотреть все это. У меня вся семья - учителя. Отец, мать и тетка... Я - выродок, я стал технарем. Так что с детства я уже знал, кем я буду, и меня поддерживали.

Н.К. - А дальше что?

Н.А. - Я работал на электростанции, был такой, может, вы слышали Вахрушев, министр угольной промышленности. Он у нас был механиком на электростанции, он внимательный был, и устроил мне командировку учиться в Днепропетровский Горный институт. Я экзамен выдержал, но меня провалили потому, что мне не было 18-ти лет. Мне сказали: "Езжай домой и приезжай через год." Я в Днепропетровске в парке сидел и ревел с горя, что я экзамен выдержал. Год пропустил, а на другой год он мне дал командировку в Одессу, в Политехнический Институт, вот там я и зацепился. Я был как командированный рабочий, получал 12 руб. в месяц стипендии и жил с ребятами, мы подрабатывали, я был монтером 4-го разряда уже. Сначала грузили железо, лом и все такое, а потом начали в мастерских работать, я - способный парень, и умел делать, я уже был телеграфным надсмотрщиком, курсы сдал. Учился очень хорошо, хотя очень мало времени тратил, потому что надо было зарабатывать, у меня была жива мать, а я существовал на свои средства уже. Я кончил институт и был на Днепрострое, быстро пошел в гору, стал начальником лаборатории Днепростроевской электротехнической. Под моим непосредственным участием производилась наладка первых двух машин и всех принадлежащностей к ним Днепрогэса. Это начальство даже впервые видело и командовал мной профессор...

Н.К. - Подождите, Вы в Одессе закончили Политехнический институт, какой факультет?

Н.А. - Сильных токов.

Н.К. - Электротехнический?

Н.А. - Да.

Н.К. - И Вы попали потом сразу на Днепрогэс?

Н.А. - Да, на практику, и там пошло, там я зацепился. Было обращено на меня внимание начальства, я толковый был. Там я некоторые дикие номера выделял, когда был пожар и на станции Днепродзержинской сгорели заводы, то при моей непосредственно затее мы запустили линию передач с Днепрогэса, сожгли телефонные аппараты все, но "хоть вся посуда перебита, муха была убита", и заработали наши Днепропетровские заводы, которые отпустили в отпуск. Причем, представьте, даже, что имел нахальство, нам нужно было аккумуляторы доставать, так я пошел к уполномоченному ГПУ (понимаете, что это было раньше) и к нему пристал: "Мне нужны аккумуляторы, вы хотите, чтобы пустили линию передачи и заработали заводы!?"

Мое продвижение коротко: начал я свои действия, будучи практикантом на постройке Днепрогэса в 1927 году. Там я работал с практикантом, там я писал дипломную работу под руководством Веденеева, и там я получил высокую квалификацию наладчика всех энергетических установок. Я производил наладку генераторов Днепрогэса, потом организовал там лабораторию и людей, и часть людей со мной уехала на наладку заводов, которые на левом берегу были построены и должны были питаться от Днепрогэса. Т.е. было разумно: строили станцию, и в это время строили заводы на левом берегу, и вот когда мы часть уже наладили, уже машины работали на Днепрогэсе, те люди, которые со мной работали, часть осталась повторять машины, а я с частью народа перешел на новые заводы на левом берегу. Это был сплавы, большой завод, это был завод Металлургический, завод Аллюминиевый и некоторые другие. В общем, левый берег строился, и пока мы запустили станцию, уже можно было налаживать энергетику левого берега. И мы, часть народа, перекочевали туда, это был 33-34-й год, когда была голодовка на Украине, потому что мы жили там, это далеко было, поэтому домой мы не могли ходить ночевать, мы там и жили, на брезенте где-то спали. И налаживали,

помню, долго мы возились с Алюминиевым заводом, тогда не было еще источников постоянного тока, а были мотор-генераторы?/, это Хэмз строил, и мы совместно с хэмзовскими?/ людьми делали наладку и испытания этих машин, у них круговой огонь был. В общем, возились много, пока наладили эти источники постоянного тока мотор-генераторы большие. Оттуда мы домой только когда закончили цикл работ, пешочком отправлялись домой, переходили по плотине, переезда не было. Чтобы показать, какие мы были здоровые ребята, то мы примерно оттуда, с завода домой,(а я жил на правом берегу) примерно шли часа четыре с обстановками, т.к. сильно проголодались. Я жил на правом берегу, а это было далеко за левым берегом на другой стороне Днепра.

После этого мы хотели построить на Днепрострое завод релейной аппаратуры, мы связаны были с Хэмзом, который занимался этим делом. Даже я был на приеме, тогда был Нарком тяжпрома, у Пятакова, он тогда был заместитель? по поводу этого завода. Но потом срочно переиграли, потому что нашу группу наладчиков отправили в Донбасс, два года я там работал?,? на руководителя или начальника, оперативная называлась служба. Т.е. я занимался диспетчерской службой, связью, релейной защитой, защитой от перенапряжений и в оперативной работе по системе. Мы там за эти два года очень много сделали, даже соединили систему Донэнерго с Ростовской системой, в общем, там много дела было. Потом, через два года меня отзвали обратно на Днепрострой, и мы там уже построили трест и т.д. Короче, я уже закончил работу по Донбассу, очень много мы сделали там. На Днепрострое меня опять водворили руководителем центральной электрической лаборатории, я там просуществовал не очень долго, немного больше года. Подошел 37 год, в это время началась повальная посадка инженеров. Когда я уехал из Днепбасса, уже некоторых моих инженеров посадили. А я когда приехал на Днепрострой, мне не понравилась их тихая эксплуатационная работа. Я был в командировке в Москве, когда сажали энергетиков, посадили много народа, в том числе релейщиков, среди которых диспетчера, релейщики. Это были моего круга люди, и там я встретился с главным инженером сетей Мосэнерго Романовым, с которым мы были давно знакомы, и он меня категорически с большими усилиями перетащил к себе в отдел, называлось это?мосэнерго элкросети, где он был главным инженером. Меня назначили начальником релейной защиты сетей Мосэнерго. Конечно, мне очень трудно пришлось, потому что несколько человек, которые этим занимались, старых, и хорошо знали, их не было уже. Мне, новому человеку, надо было параллельно входить в новую схему мосэнерговскую и успевать заниматься эксплуатацией, я там сбился с ног совсем. Там я проработал около года. В это время строился канал Москва-Волга, как вам известно, и подошло время, когда им понадобилось налаживать и запускать машины, уже монтаж сделан был. Инженер, который занимался этим делом, он ушел, и меня срочно откомандировали на наладку (Мосэнерго получило указание из ЦК по партийной линии).

Н.К. - Так Вы были членом партии?

Н.А. - Не был.

Н.К. - А Вы говорите по партийной линии.

Н.А. - По партийной линии дали распоряжение управляющему Мосэнерго, в то время был главным инженером Первухин, если Вы слышали когда-нибудь. Он потом участвовал, если Вы помните, и присоединившиеся к ним, когда после Сталина были трения там всякие. Тогда меня срочно в течение нескольких дней отправили на канал Москва-Волга в распоряжение МВД. Вот тут я первый раз непосредственно столкнулся с МВД. Будучи два года в Донбассе, я был тесно связан с этими, тогда ГПУ было, почему? Они же отвечали за энергетику, поэтому мне часто приходилось, я же командовал всей этой техникой, значит меня там знали, а у меня была очень мощная под-

мога, мне не только машины дали, легковых и грузовых, а у меня три самолета даже было для перемещения, там же грязи сильные, а маленькие самолеты прямо на улице садились где-нибудь, потому что мы оперативно очень много делали. Поэтому я уже соприкасался с этими органами, а когда я попал в Москву, и меня перебросили на канал, этот канал управлялся кем? Там же было громадное количество заключенных. Я был за начальником службы релейной защиты автоматики, и у меня было много заключенных, инженеры были и рабочие, и вольнонаемные, так что все это было вместе. И вот мы тогда работали, наладили все эти машины, там же много, это же от Волги до Москвы, там же 5 подстанций, вообщем мы много, гидростанции есть и в Москве, и под Москвой. Видите, все время я занимался наладкой энергетического оборудования, то есть это определенная линия у меня была специализирована.

Н.К. - Вы занимались наладкой мощного оборудования?

Н.А. - Ну силового, энергетического. Я кончалу наладку канала Москва-Волга, с успехом, очень много усовершенствований мы там сделали, впервые в Союзе там было сделано автоматическое управление с диспетчерского пункта всеми этими объектами от Москвы до Волги, так что там сложная была автоматика и телемеханика, и даже было, в те времена не было магнитофонов, а был? у диспетчера, чтоб записывать все распоряжения. Вы даже не знаете, что это такое, впрочем неважно. В общем, короче говоря, сдали в эксплуатацию, меня очень хотели на Воркуту переправлять, тогда строили на Воркуте электростанцию. Энергетики, которые работали на строительстве канала Москва-Волга, туда переключились, и меня силой хотели перетащить туда, они уже знали меня. Но тут в это время... я не хотел на Воркуту ехать, это же значит - опять в лагерь тогда ехать, это же там было только начало, бараки строили. В общем, я остался на канале на эксплуатации, мы работали хорошо, не было месяца, когда бы мы не выполняли план и не получали второго оклада за безаварийную работу. Мы здорово знали, остались у меня те ребята, которые наладкой занимались, умели это делать. И вот до войны, как раз я уехал в отпуск, получил путевку, и по дороге, в Харькове, мы узнали, что началась война, это было воскресенье. Начальство уже не успело уехать, подумал: "Что же делать?" Доехали мы до Иловайской, и я уже думал сойти как-то, потому что я работал в Донбассе, знал людей, мог там приютиться, я не думал, что легко будет попасть обратно. Или можно было, там поперек как раз идет железная дорога через Запорожье, оттуда идет уголь на металлургические заводы, и я мог бы подъехать грузовым поездом, я знал же там людей, хоть в Запорожье попал бы, чтоб мне не скитаться где-то. А там, думаю, оттуда доберусь в Москву. Но, не подъезжая к Иловайской, проводник кричит: "Есть тут такой Семенов? Вам телеграмма!" Как здорово, мне дали телеграмму из управления канала Москва - Волга, чтоб я немедленно возвращался, и эта телеграмма служит пропуском. Так что по этой телеграмме меня посадили в первый поезд, который шел на Москву, и я приехал домой, когда Москва уже была в затенении, в общем, война началась. Я вернулся на канал, там смятение. Мы организовывали грузовые машины, чтоб сделать ремонтные мастерские. И в это время приехал брат жены, с которым вместе мы работали, он был на гидростанции дежурным техником, он в Москву привез документы, уже станцию подорвали. Мы жили в Дмитриеве/? /, это близко, и он как раз приехал попрощаться. Он привез какие-то документы оттуда, сдал их, сдал броню и поступил в армию. Мы с женой плакали, мы строили же своими руками, мы в нерабочее время, когда не хватало людей, мы ходили даже бетон месить, это же наша молодость была, мы молодые люди были! Это нам рассказал Василий, ее брат. Я говорю: "Слушай, Катюша, что же делать? Нужно же идти и мне!" Она говорит: "Да." И я пошел в военкомат, сдал броню, у меня же тоже? на канал, и меня в скором времени отправили в Муром на курсы повышения квалификации персонала.

Н.К. - Владимирская область?

Н.А. - Не помню. Там военная школа, я прошел срочное обучение, там присягу принял уже в форме, причем тут получилось такое дело: в это время очень много офицеров было снайперами немецкими убито, потому что ходили в форме. А потом заменили, все офицеры должны были в солдатском ходить снаружи, а то было видно, он винтовкой положит, и все. Поэтому нас переквалифицировали, сделали командным составом, я же был инженер, а меня сделали лейтенантом командным. Тут же когда оформляли, то сразу нам дали должность командного состава. Поэтому, когда я приехал, Московский военный округ уже был в Нижнем Новгороде, он был эвакуирован. Там меня оформляли, отправили в город Красные Баки?/ на Ветлуге, там формировали воинскую часть, где я был. Причем пока там собирались, я успел отремонтировать им электростанцию, у них не работала. Отремонтировал машину и к всеобщему удовольствию зажегся свет. Я там занимался больше техническими делами: принимал оборудование, даже, я помню, радиостанция пришла на машине, и поскольку у меня права управления, то некому ее было пригнать со станции, а там 18 км примерно по льду, по реке Ветлуге. Зима лютая была тогда, было за 40 градусов, надо было организовать разогрев и я пригнал ее туда, к тому времени приехал техник. В общем, я занимался вплоть до того, что принимал пушки, которых в жизни никогда не видел, но мало офицеров было, я баню устраивал, радиостов школу делал, мальчишкой когда-то учился, все пригодилось. Прислали молодых ребят, которые не то что на слух, и так еле стучали, я целый месяц их тренировал, ну и так дальше. Это были 111-я стрелковая бригада, отдельная, по идее это была бригада автоматчиков, хотя автоматов было 4 штуки на наше отделение, оружия не хватало тогда. В общем, долго ли, коротко ли, отправили нас на фронт ранней весной, я помню, с ужасом мы наблюдали, когда встречный поезд вывозили из Ленинграда жителей, и мы с ужасом видели этих несчастных, которые, когда поезд остановился, вылезли из вагонов и оправлялись прямо тут же, потому что у них, видно, желудки, их же кормить начали, они в очень тяжелом виде были. Так что это нам было такой затравкой перед войной. Мы ехали туда, а их везли отсюда. Вот я попал туда, народа было мало, я занимался своим делом, погрузили нас в вагоны и поехали мы воевать. Фронт был возле Курска, Старый и Новый Оскол - в этом месте мы заняли оборону. Я всегда проливаю слезы, когда поют "Соловьи", весна была, май месяц, начало, там лесочек был, и соловьев много там было, эта песня мне всегда напоминает это. Фронт недалеко был, уже тогда окопы сделали, при штабе был, батальон связи назывался. Я был в должности начальника мастерских, хотя я был лейтенантом, потом мне присвоили звание старшего лейтенанта, быстро, еще войны особенно не было, мы занимали оборону и ничего. Примерно в начале лета (это был 42-ой год), мы стояли, я не помню, Ве...? такая деревня, ожидалось, что мы должны наступать были, но плохо было с вооружением у нас, вы представляете, когда я шел на передовую, у меня оружия не было, мне отдавал пистолет тот офицер, который возвращался, хотя полагалось каждому иметь свой. В одно прекрасное утро немцы вдарили, начали бомбить нас с самолетов, причем у нас никаких не было противовоздушных средств практически, они долбали нас. К примеру, я помню, мы с политруком перебежать должны были поле, там лесочек, а он заходит и с пулемета строчит по нас, по двоим, но он довольно быстро летит, поэтому они довольно далеко бьют. Как он развернулся, дал очередь, опять пошел на второй заход, а мы перебежали. Интересно, политрук снял фуражку и перекрестился и бегом перебежал это место. Нас тогда раздолбали страшным образом, бомбили, пошли танки, в общем, нас разбили. Мы с радиостанцией, и тут меня подвел и кто был зам. начальника батальона связи, он должен был заслон сделать, а он нас оставил пять человек с этой радиостанцией, я же не военный еще был, а он смылся. Потом мне стало известно, что ему очень влетело за то, что он нас

бросил. И вот тут нам была крышка. Зажечь нельзя было станцию, мы ее изувечили, залили кислотой, порубили топорами и ушли. Немцы не обращали внимания особого, они пошли потоком прямо, у них такие машины длинные, они в ряд сидят солдаты. И мы видим туда-сюда, защищать нам нечего, надо уходить как-то, получилось, что Нина упала, меня сильно оглушило, я плохо слышать стал тогда совсем. Уже хлеб созревал. Интересно, немцы нас заметили, не теряли время, они просто дали очередей несколько и ушли, а мы остались. Мы еще с машиной возились, у нас старенькая была ЗИС-5 с имуществом каким-то своим, но далеко не уехали, снаряд попал, видно, в двигатель, бросили машину, пошли пешком, жара. Тут оказалось, что самое страшное - нам пить не было. Вы знаете, это страшнее всего, у нас пища была, ну, сухари, я не помню с каким трудом выковырял... [неразб].

Нас было 5 человек, двоим было очень плохо, что делать? А мы еще шевелились все-таки, я сухой, худой. Те двои легли, третий остался присматривать за ребятами, а мы вдвоем решили пойти воды где-нибудь найти. Короче, немцы нас заметили и обстреляли нас, но мы не убежали, лежали на земле, они ехали на машинах, не останавливаясь, просто дали несколько очередей над нами, и вот пока мы туда-сюда, воды нету, мы еле живые, пришли, а там этих уже нету, видимо, их немцы застукали. Но не убили, там какие-то бумажки, тряпки были, они, видно, их забрали, тех двоих, третий стерег. Тел не было, следы были, что потоптано, видно, они живые были, их забрали, потому что мы нашли бы. Но вот тут-то мы попались. Пошли уходить, тот говорит: "Я пойду в деревню." Я говорю: "Не опасно?" - "Кто его знает?" Я говорю: "Ну ладно, я пошел." Пошел по хлебу, смотрю - озерко в поле, а было жарко, я разделся, попил воды, помылся и постирал свою одежду, представляете? Вот психология. Я умылся и сижу с той стороны шоссе, смотрю - едут немцы на машине, а я же голый сижу в воде! Они мне машут и я им тоже помахал, они решили, что это немец какой-то! Они не останавливались, едут, видят, что плещется в воде кто-то. Вот, думаю, история, они же могут настукать меня. Я тогда скорей давай уходить. Короче говоря, получилось, что ночью (я плохо видел, я же в очках) наткнулся на спящего часового, который испугался больше, чем я, очевидно. Так испугался, что даже не выстрелил в меня, вот часовой был, здорово спал!

Н.К. - Немец?

Н.А. - Немец. Но настукали меня, он выстрелил в воздух, подошли, меня взяли. Рядом, оказывается, радиостанция их, привели меня туда, немцы интересуются: "Ты кто?" А я же лейтенант был, я говорю: "Связь," - показываю. Я им настучал. "О, инженер", - говорит. Дали мне покушать по этому случаю, очень внимательны были, потому что им скучно сидеть там, видимо, а тут, оказывается, тоже связист. Так меня продержали до весны, до утра и отправили не в лагерь, а собрали просто пленных. Что же делать? Посидели мы там, было народа. Потом ночь настала, все легли, я думаю: "Надо попытаться!" Часовой где-то ходит там, я заметил канаву, лопухи и тихонько смылся под эти лопухи, по канаве и ушел. Потом, видимо, за мной еще один пошел, я слышу: стрелять начали. Хорошо, собак не было. Видимо, его убили и подняли тревогу. А я ушел по канаве, пролежал там часа полтора, наверное, затихло. Дальше я чуть к немцам не попал пять раз, и уже добрался, хотел уходить до линии фронта я добрался, в сторону Ельца хотел пробраться. Уже близко, уже стрельба такая не бойкая, не очень было место боевое. Уже утро, я встал, лежу в хлебе и смотрю на небо, звезды считаю, жду утра. Смотрю, летят два наших бомбардировщика, а у немцев оказалась тут зенитка, и когда они приблизились, те открыли огонь и один подбили, он загорелся и из него выскочили два человека, парашюты раскрыли и, надо же, сели поблизости от меня. Накрыли меня, немцы удивлены были - садились два, а стало три. Я что-то совершиенно не волновался, ну думаю: "Опять попали". Пол-километра

всего оставалось пройти. Нас благополучно отвезли в лагерь. Потом я же еще раз бежал, попался плохо, сказали, что партизан. Знаете что такое "глинеш???" по украински, это возле деревни дорога и обравчик, там глину копают, карьерчик. Он меня туда повел, пожилой, с винтовкой, идет от меня на расстоянии. Пришли, там лопаты лежат, говорит: "Копай." Я понял, чем дело кончится, чтоб я не вонял. Я выкопал примерно по колени, уже можно было, а он стоит ждет, чтоб я лопатой не достал до него в случае чего. Я уже думал, как мне его трахнуть лопатой. В это время, там дорога с той стороны на Винице? Какой-то офицер что-то ему кричит, он щелкает, мол, идем. Привели наверх, он по-русски говорит достаточно хорошо. "Вы, - говорит, - кто?" - "Лейтенант, техник-лейтенант". - "По какой специальности?" - "Связист". Он что-то грубое сказал этому солдату, тот щелкнул и ушел, а меня взяли на машину и увезли. Дали мне покушать между прочим и отправили в лагерь. Когда в лагерь попал, тут уже было плохо. Был в Владимиро-Волынском, где наказывали - били, причем в два приема, потому что 50 этих ударов не выдерживали - умирали. Делали, например 20 ударов, потом через неделю еще, если оставался жив. Там было гнусно, это были бывшие наши казармы танковых частей, и в прошлую зиму передохли все пленные, потому что был тиф, а немцы боялись даже близко подходить, только бросали им куски лошадей и пр. В общем, перемерили почти все. И вот в этом лагере большая насыпь такая и большой крест стоит. Это во Владимире-Волынском.

Н.К. - Это все 42-й год?

Н.А. - Да, дальше попал я в Жевченстохов?, кормили плохо совсем, зима настала, сапоги забрали и дали нам деревянные колодки, типа сабо. И холодно было, какие-то бывшие сараи, двухэтажные нары кое-как сделанные. И холодно было, надо выходить было, отворять дверь, ворота прямо приоткрыты, чтоб выйти. Был... [неразб.] в большой длинной шинели, вместе с ним соединились, застегнули шинель, и вдвоем спали внутри. И вот я помню, нас водили в баню все-таки, водили через город, и мы видели, что там много народа с звездой шестиконечной, желтой - это евреи. Кормили так, чтобы мы тихо умирали. Когда нас повели во второй раз через 10 дней в баню, то в этом районе, через который нас вели, никого не было, валялись какие-то тряпки, ящики битые, стекла битые, в общем, следы людей, которых уже не оказалось, видимо, их всех увезли куда-то, надо полагать куда. Теперь, находясь в лагере, когда нечего делать было, мы... неразб. своим прошлым, и я, еще находясь в предыдущем лагере, строил на песке Днепростроевскую плотину, везде рассказывал людям, чем я занимался. Многие интересовались, Днепрострой был одной из крупнейших строек. И вот в Ченстохове вдруг ко мне пришел солдат, нашел меня по номеру и отвел в контору, где охрана. Там проверили по каким-то записям, кто я такой, молча покормили меня супом, два вооруженных солдата взяли расписались за меня и на машине отвезли на вокзал. Я с этими двумя солдатами поехал куда-то, они обращались со мной спокойно, не трогали меня, на остановках кормили супом, видимо, на меня тоже был выписан солдатский паек, и в конечном итоге прибыли в Берлин. Меня отвезли в город, приняли в роспись и забрали в дом, потом выяснилось, что этот дом принадлежал раньше нашему торгпредству. Я настолько был слаб, еще этот переход, мне уже помогали солдаты подняться по парадной лестнице на такой высокий бельэтаж. Потом меня отправили внутрь, как потом оказалось, первый этаж был занят охраной, немецкими солдатами, такими второго сорта, которые только в охране служили, пожилые, второй этаж - французы пленные, и третий этаж - русские пленные, причем изоляции не было, можно было сообщаться с ними. В одной комнате жил французский капитан, а над ним, там двухэтажные везде кровати солдатские, не нары, а аккуратные деревянные кровати в два этажа, старший лейтенант, хорошо одетые, в форме. Оказалось, капитан был поляком, который служил во французской армии, он отлично говорил по-русски, потому что они были

небольшие помещики из-под Киева, у них было маленькое поместье, кончил он гимназию в Киеве, потом в Петербурге кончил какое-то высшее учебное заведение, поэтому отлично говорил по-русски. У него часы были Павла Буре, он показывал, со мной много разговаривал, узнал украинские слова, песни, то есть мы очень быстро познакомились. Кто же был старший лейтенант? Оказалось, что он был никто иной, как родной племянник короля Будуэна¹ - бельгийского короля. У них на двоих был один француз солдат - денщик, он был повар, отлично готовил всякую пищу вкусную, а так как он видел, что я с капитаном очень по-дружески разговариваю, племянник по-русски не умел, но тоже со мной очень любезно здоровался, поэтому он мне тоже часто готовил вкусные вещи и кормил. А получали они очень много, паек, который им давали, - краснокрестовский, как пленные, получали из дома, так как у них связь с домом была, получали из дома посылки, они были все-таки люди не бедные и два раза в месяц по Красному Кресту, этим они отличались от пленных русских, которых вообще можно было и не кормить, что часто и бывало. Вот был хороший контраст на практике. Они мне очень помогали, короче - меня подкармливали, я даже поправился, я же даже не мог ходить на второй этаж, на третий, я отдохать должен был, ослаб сильно. Месяца два меня кормили, пока я очухался, и вдруг меня позвали в комендатуру, посадили в машину и отвезли куда-то, в какое-то учреждение большое, с охраной, и привели меня к какому-то секретарю. Я подождал, потом меня пригласили в кабинет. В кабинете сидел очень пожилой, седой капитан первого ранга, морской, - это полковник, старый, видно, из запаса, в форме. Он ко мне очень любезно обратился на отличном русском языке. Как потом выяснилось, он служил в царской армии и кончил военную академию в Петербурге. Он любезно предложил мне сесть, совершенно не повел глазом, вид у меня был довольно затрапезный, правда одет я был чисто, одели меня в старую французскую форму. Он сказал, что есть сведения, что я инженер и работал на Днепрострое. Я сказал, что верно, это не секрет, я не скрываю это. Он спросил, кем я там работал. Я говорю: "Работал начальником электротехнической лаборатории". - "А чем Вы занимались?" - "Мы пускали машины".